

В
М222

1000

МАМИН-СИБИРЯК.

СКАЗКА

ВОРОНУШКУ
ЧЕРНУ
ГОЛОВУШКУ

И

ЖЕЛТУЮ ПТИЧКУ
КАНАРЕЙКУ

ИЗДАНИЕ Г.Ф. МИРИМАНОВА

МОСКВА 1925 Г.

✓

8222

1969

44

М. 1222
Проверено
1930 г.

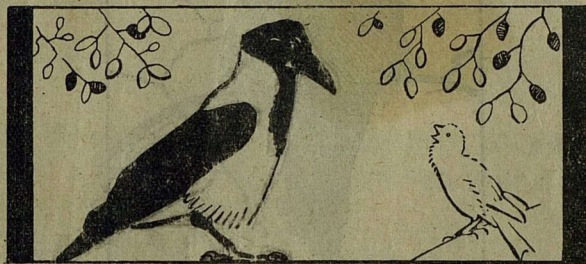
Д. МАМИН-СИБИРЯК

М. 1222

СКАЗКА

ПРО

ВОРОНУШКУ ЧЕРНУ ГОЛОВУШКУ

И

ЖЕЛТУЮ ПТИЧКУ КАНАРЕЙКУ

**РИСУНКИ В. ВАТАГИНА
ИЗДАНИЕ Г.Ф. МИРИМАНОВА**

■ МОСКВА 1925 Г. ■

Издание Г. Ф. МИРИМАНОВА.

Москва, Плющиха, д. № 15, кв. № 17.

Тел. № 3-33-04.

668704 рег.-от

Российская государственная
детская библиотека

36961

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ ШКОЛЫ
ДЕТСИЗА

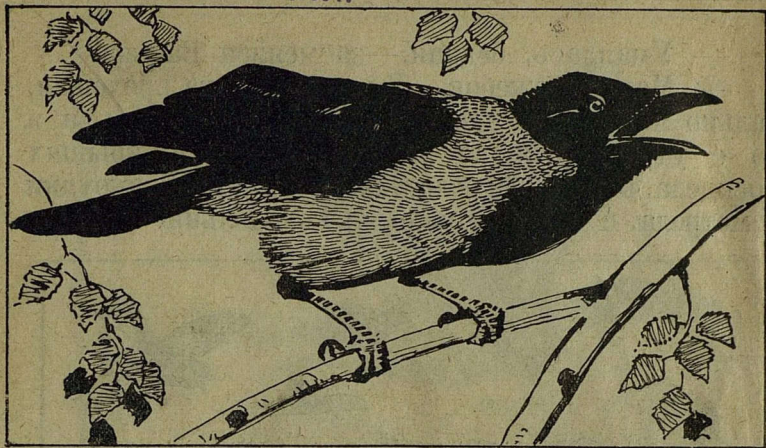
Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИН

42

Главлит № 32927 (Москва).

Тираж 10.000 экз.

Типография „Пролетарий у Руля“, Красная площ., бывш. Средние Торг. Ряды д. № 1

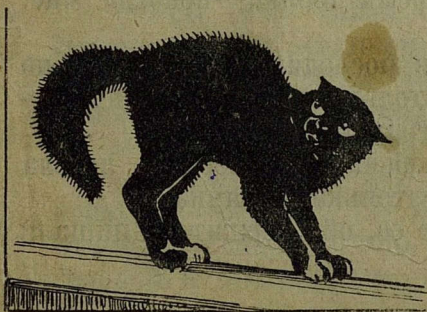

I.

Сидит Ворона на березе и хлопает носом по сучку: хлоп-хлоп. Вычистила нос, оглянулась кругом, да как каркнет:

— Карр... карр!..

Дремавший на заборе Кот Васька чуть не свалился со страху и начал ворчать:

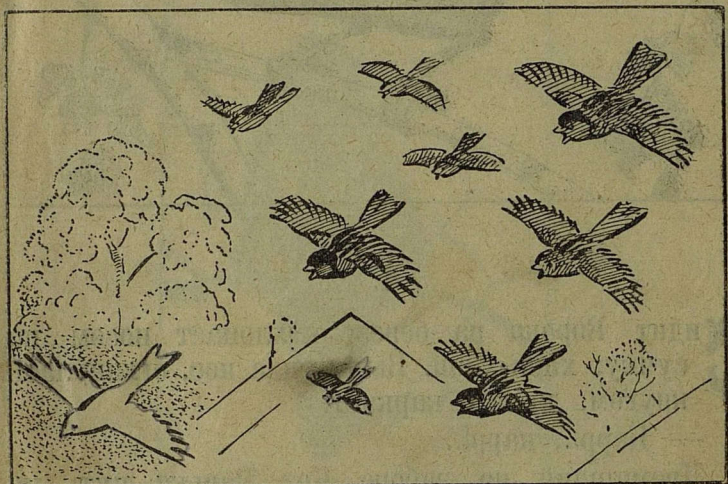

— Эк тебя взяло, черная голова... Даст же бог такое горлышко!.. Чему обрадовалась-то?

— Отстань... Некогда мне, разве не видишь? Ах, как некогда... Карр—карр—карр!.. И все-то дела да дела.

— Умаялась, бедная,—засмеялся Васька.

— Молчи, лежебок... Ты вот все бока пролежал, только и знаешь, что на солнышке греться, а я то с утра покоя не знаю: на десяти крышах посидела, пол города облетела, все уголки и закоулки осмотрела. А еще вот надо на колокольню слетать,

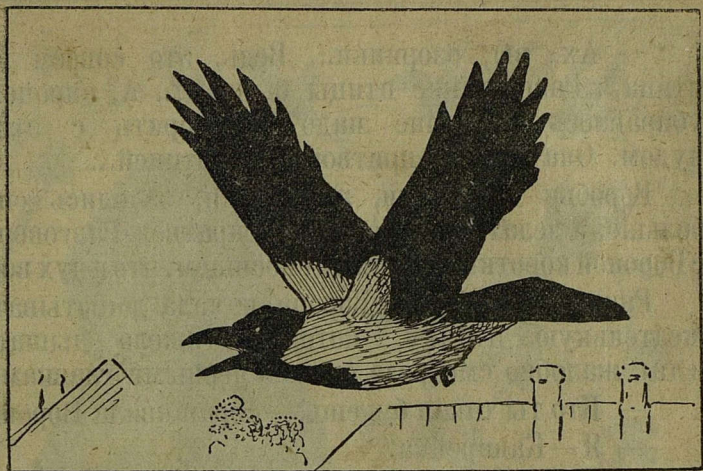

на рынке побывать, в огородах покопать... Да что я с тобой даром время теряю,—некогда мне. Ах, как некогда!

Хлопнула Ворона в последний раз носом по сучку, встрепенулась и только что хотела вспорхнуть, как услышала страшный крик.

Неслась стая воробьев, а впереди летела какая-то маленькая желтенькая птичка.

— Братцы, держите ее, ой, держите!—пищали воробьи.

— Что такое? Куда?—крикнула Ворона, бросааясь за воробьями.

Взмахнула Ворона крыльями раз десяток и догнала воробьиную стаю. Желтенькая птичка выбилась из последних сил и бросилась в маленький садик, где росли кусты сирени, смородины и черемухи. Она хотела спрятаться от гнавшихся за ней воробьев. Забилась желтенькая птичка под куст, а Ворона—тут как тут.

— Ты кто такая будешь?—каркнула она. Воробьи так и обсыпали куст, точно кто бросил горсть гороха. Они озлились на желтенькую птичку и хотели ее заклевать.

— За что вы ее обижаете?—спрашивала Ворона.

— А зачем она желтая!—запищали разом все воробьи. Ворона посмотрела на желтенькую птичку: действительно, вся желтая,—мотнула головой и проговорила:

— Ах, вы, озорники... Ведь, это совсем не птица... Разве такие птицы бывают?.. А, впрочем, убирайтесь-ка... Мне надо поговорить с этим чудом. Она только притворяется птицей...

Воробьи запищали, затрещали, озлились еще больше, а делать нечего, надо убираться. Разговоры с Вороной коротки; так хватит носищем, что и дух вон.

Разогнав воробьев, Ворона начала допытывать желтенькую птичку, которая тяжело дышала и так жалобно смотрела своими черными глазками.

— Кто ты такая будешь?—спрашивала Ворона.

— Я—Канарейка.

— Смотри, не обманывай, а то плохо будет. Кабы не я, так воробьи заклевали бы тебя...

— Право, я—Канарейка.

— Откуда ты взялась?

— А я жила в клетке... в клетке и родилась, и выросла, и жила. Мне все хотелось полететь, как другие птицы. Клетка стояла на окне, и я все смотрела на других птичек... Так им весело было, а в клетке так тесно. Ну, девочка Аленушка принесла чашечку с водой, отворила дверку, а я и вырвалась. Летала, летала по комнате, а потом в форточку и вылетела.

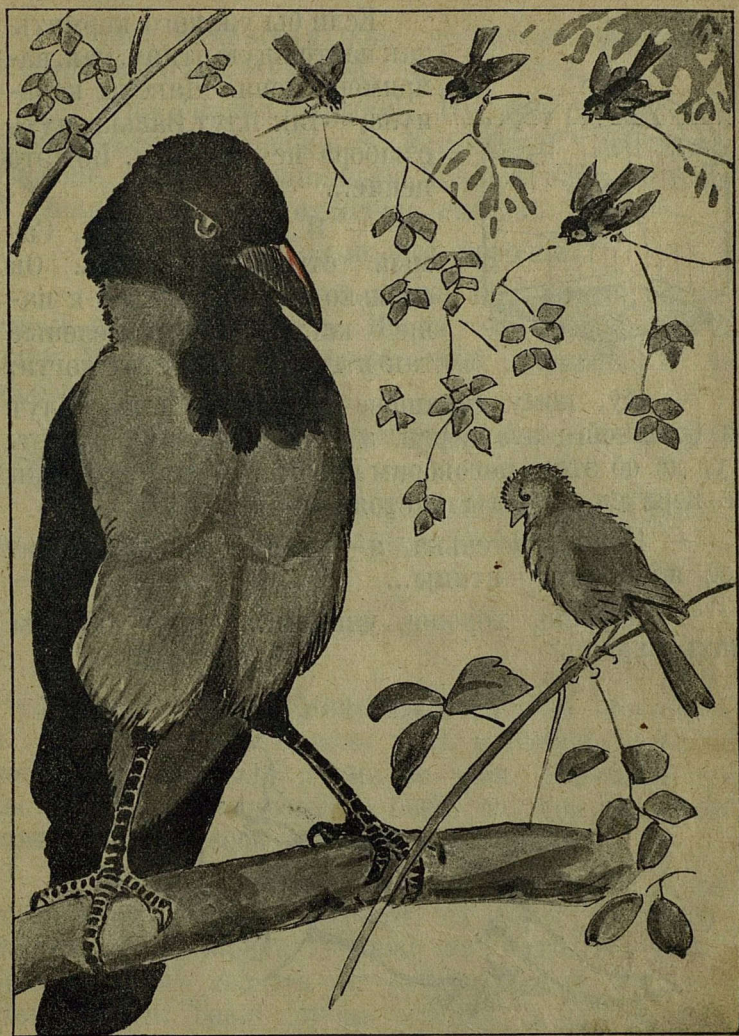
— Что же ты делала в клетке?

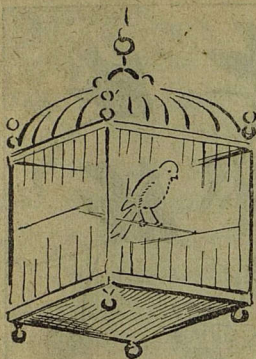
— Я хорошо пою.

— Ну-ка, спой.

Канарейка спела. Ворона наклонила голову на бок и удивилась.

— Ты это называешь пением? Ха-ха!.. Глупые же были твои хозяева, если кормили за такое пение.

Если бы уж кого кормить, так настоящую птицу, как, например, меня. Давеча каркнула,—так плут Васька чуть с забора не свалился. Вот это пение...

— Я знаю Ваську... Самый страшный зверь. Он сколько раз подбирался к нашей клетке. Глаза зеленые так и горят, выпустит когти.

— Ну, кому страшен, а кому и нет... Плут он большой,—это верно, а страшного ничего нет. Ну, да об этом поговорим потом... А мне все-таки не верится, что ты настоящая птица...

— Право, тетенька, я—птица, совсем птица. Все канарейки—птицы...

— Хорошо, хорошо, увидим... А вот как тебе жить будешь?

— Мне немного нужно: несколько зернышек, сахару кусочек, сухарик,—вот и сыта.

— Ишь, какая барыня!.. Ну, без сахару еще обойдешься, а зернышек как-нибудь добудешь. Вообще, ты мне нравишься. Хочешь жить вместе? У меня на березе—отличное гнездо...

— Благодарю. Только вот воробьи...

— Будешь со мной жить, так никто не посмеет пальцем тронуть. Не то, что воробьи, а и плут Васька знает хорошо мой характер. Я не люблю шутить...

Канарейка сразу ободрилась и полетела [вместе с Вороной.

Что же, гнездо отличное, если бы еще сухарик, да сахарку кусочек...

II

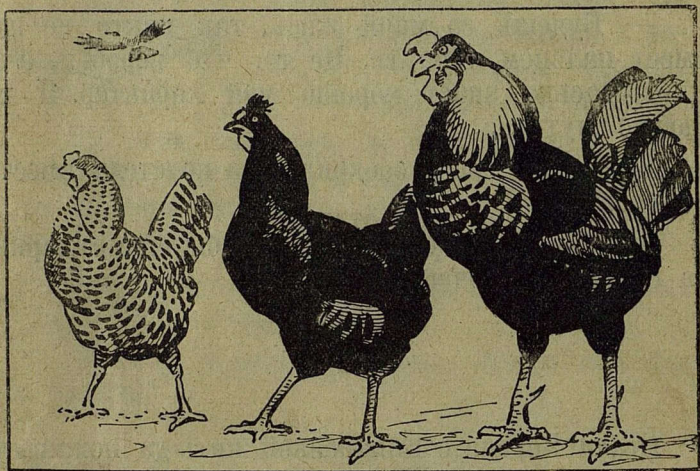
Стали Ворона с Канарейкой жить да поживать в одном гнезде. Ворона хоть и любила иногда поворчать, но была птица не злая. Главным недостатком в ее характере было то, что она всем завидовала, а себя считала обиженной.

— Ну, чем лучше меня глупые куры? А их кормят, за ними ухаживают, их берегут,—жаловалась она Канарейке.—Тоже вот взять голубей... Какой от них толк, а нет-нет, и бросят им горсточку овса. Тоже глупая птица... А чуть я подлечу—меня сейчас и начинают гнать в три шеи.

Разве это справедливо? Да еще бранят вдогонку: „Эх, ты, ворона!“... А ты заметила, что я других буду и покрасивее?.. Положим, про себя этого не приходится говорить, а заставляют сами. Не правда ли?

Канарейка соглашалась со всем.

— Да, ты большая птица...

— Вот то-то и есть. Держат же попугаев в клетках, ухаживают за ними, а чем попугай лучше меня?.. Так,—самая глупая птица. Только и знает, что орать да бормотать, а никто понять не может, о чем бормочет. Не правда ли?

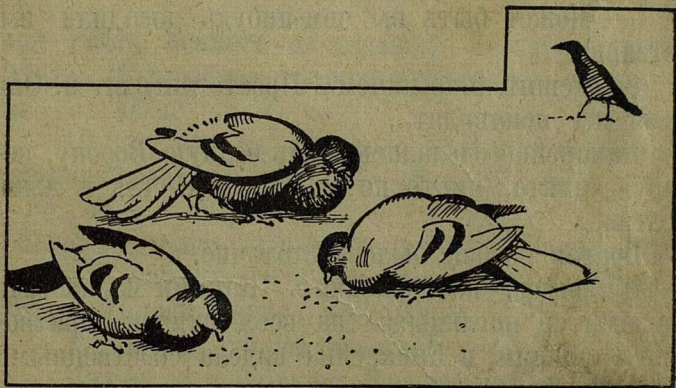
— Да, у нас тоже был попугай и страшно всем надоедал.

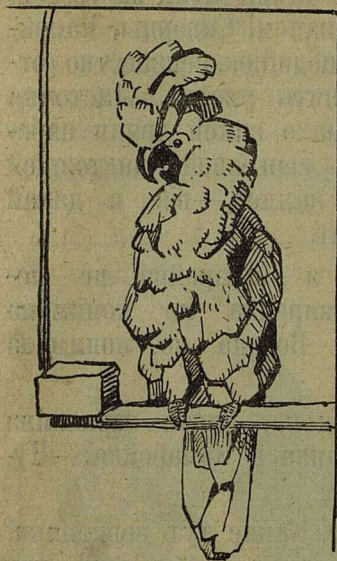
— Да мало ли других таких птиц наберется, которые живут неизвестно зачем! Скворцы, например, прилетят, как сумасшедшие, неизвестно откуда, проживут лето и опять улетят. Ласточки тоже, синицы, соловьи,—мало какой дряни наберется. Ни одной, вообще, серьезной, настоящей птицы... Чуть холодком пахнет,—все и давай удирать, куда глаза глядят.

В сущности, Ворона и Канарейка не понимали друг друга. Канарейка не понимала этой жизни на воле, а Ворона не понимала жизни в неволе.

— Неужели вам, тетенька, никто зернышка никогда не бросил?—удивлялась Канарейка.—Ну, одного зернышка?

— Какая ты глупая... Какие тут зернышки? Только и смотри, как бы палкой кто не убил или камнем. Люди очень злы...

С последним Канарейка никак не могла согласиться, потому что ее люди кормили. Может быть, что Вороне так кажется... Впрочем, Канарейке скоро пришлось самой убедиться в людской злости. Раз она сидела на заборе, как вдруг над самой головой просвистел тяжелый камень. Шли по улице школьники, увидели на заборе Ворону — как же не запустить в нее камнем?

— Ну что, теперь видела? — спрашивала ворона, забравшись на крышу. Вона все они такие, то-есть люди.

— Может быть вы чем-нибудь досадили им, тетенька?

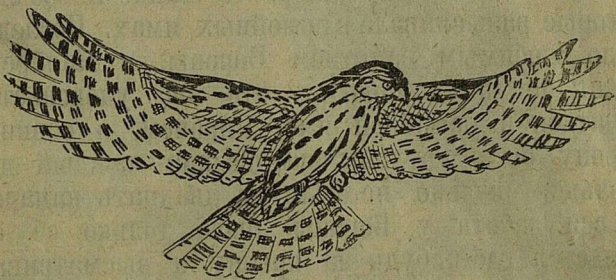
— Решительно ничем... Просто так злятся. Они меня все ненавидят...

Канарейке сделалась жаль бедную Ворону, которую никто, никто не любил. Ведь так и жить нельзя...

Врагов вообще было достаточно.

Например, кот Васька... Какими масляными глазами он поглядывал на всех птичек, притворялся спящим, и Канарейка видела собственными глазами, как он схватил маленького, неопытного

воробышка — только косточки захрустели, а перышки полетели... Ух, как страшно! Потом ястреба — тоже хороши: плавают в воздухе, а потом камнем и падает на какую-нибудь неосторожную птичку. Канарейка тоже видела, как ястреб таскал цыпленка. Впрочем, Ворона не боялась ни кошек, ни ястребов, и даже сама была не прочь полакомиться маленькой птичкой. Сначала Канарейка этому не верила, пока не убедилась собственными глазами. Раз она увидела, как воробьи

целой стаей гнались за вороной. Летят, пищат, трещат... Канарейка страшно испугалась и спряталась в гнезде.

— Отдай, отдай, — неистово пищали воробьи, летая над вороньим гнездом. — Что же это такое? Это разбой!..

Ворона шмыгнула в свое гнездо, и Канарейка с ужасом увидела, что она принесла в когтях мертвого окровавленного воробышка.

— Тетенька, что вы делаете?

— Молчи... — прошипела Ворона.

У ней глаза были страшные, — так и светятся... Канарейка закрыла глаза от страха, чтобы не видеть, как Ворона будет рвать несчастного воробышка. „Ведь так она и меня когда-нибудь с'ест“, думала Канарейка.

Но ворона, закусив, делалась каждый раз добрее. Вычистит нос, усядется поудобнее куда-нибудь на сук и сладко дремлет. Вообще, как заметила Канарейка, тетенька была страшно прожорлива и не брезговала ничем. То корочку хлеба тащит, то кусочек гнилого мяса, то какие-то об'едки, которые разыскивала в помойных ямах. Последнее было любимым занятием Вороны, и Канарейка никак не могла понять, что за удовольствие копаться в помойной яме. Впрочем, и обвинять Ворону было трудно: она с'едала каждый день столько, сколько не с'ели бы двадцать канареек. И вся забота у Вороны была только об еде. Усядется где-нибудь на крышу и высматривает.

Когда Вороне было лень самой отыскивать пищу, она пускалась на хитрости. Увидит, что воробьи что-нибудь теребят, сейчас и бросится. Будто летит мимо, а сама орет во все горло:

— Ах, некогда мне... совсем некогда!..

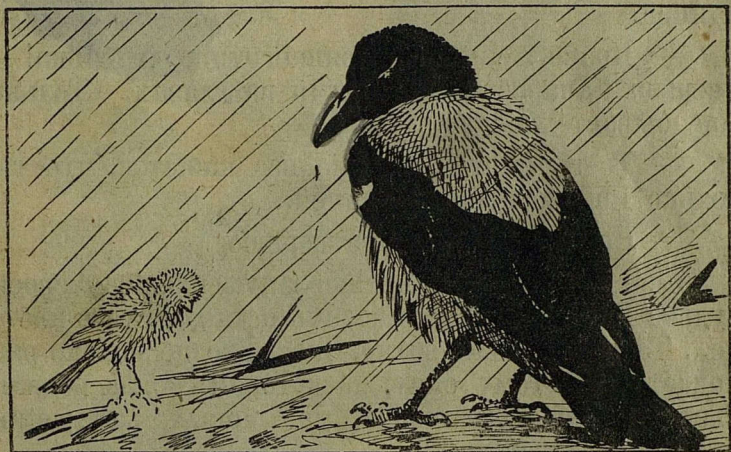
Подлетит, сцапает добычу и была такова.

— Ведь, это не хорошо, тетенька, отнимать у других, — заметила однажды возмущенная Канарейка.

— Не хорошо? А если я постоянно есть хочу?..

— И другие тоже хотят...

— Ну, другие сами о себе позаботятся, это, ведь, вас, неженюк, по клеткам всех кормят, а мы все сами должны добывать себе. Да и так, много ли тебе или воробью нужно?.. Поклевала зернышек, и сыта целый день.

III.

Лето промелькнуло незаметно. Солнце сделалось точно холоднее, а день — короче. Начались дожди, подул холодный ветер. Канарейка почувствовала себя самой несчастной птицей, особенно когда шел дождь. А Ворона точно ничего не замечает.

— Что-ж из того, что дождь идет? — удивлялась она. — Идет, идет и перестанет.

— Да, ведь, холодно, тетенька! Ах, как холодно!.. Особенно скверно бывало по ночам. Мокрая Канарейка вся дрожала. А Ворона еще сердится.

— Вот неженка!.. То ли еще будет, когда ударит холод и пойдет снег. Вороне делалось даже обидно. Какая же это птица, если и дождя, и ветра, и холода боится? Ведь так и жить нельзя на белом свете. Она опять стала сомневаться, что уж птица ли Канарейка. Наверно, только притворяется птицей.

— Право, я самая настоящая птица, тетенька! — уверяла Канарейка со слезами на глазах. — Только мне бывает холодно...

— То-то, смотри! А мне все кажется, что ты только притворяешься птицей...

— Нет, право, не притворяюсь.

Иногда Канарейка крепко задумывалась о своей судьбе. Пожалуй, лучше было бы оставаться в клетке... Там и тепло, и сытно. Она даже несколько раз подлетала к тому окну, на котором стояла родная клетка. Там уже сидели две новых канарейки и завидовали ей.

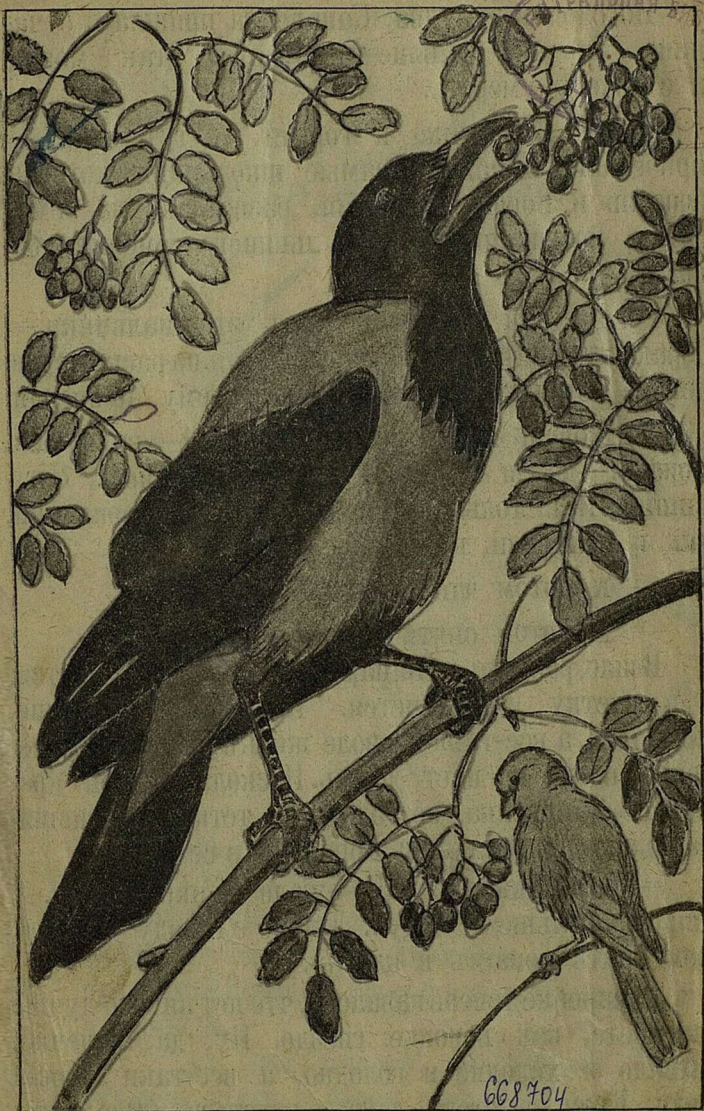
— Ах, как холодно... — жалобно пищала зябнувшая Канарейка. — Пустите меня домой.

Раз утром, когда Канарейка выглянула из вороньего гнезда, ее поразила унылая картина: земля за ночь покрылась первым снегом, точно саваном. Все было кругом белое. А главное — снег покрыл все те зернышки, которыми питалась Канарейка. Оставалась рябина, но она не могла есть эту кислую ягоду. Ворона, та сидит, клюет рябину да похваливает:

— Ах, хороша ягода!..

1969

3288

668704

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Российская государственная
детская библиотека

Поголодав дня два, Канарейка пришла в отчаяние. Что же дальше-то будет?.. Этак можно и с голоду умереть.

Сидит Канарейка и горюет. А тут видит,— прибежали в сад те самые школьники, которые бросали в Ворону камнями, разостлали на земле сетку, посыпали вкусного льняного семени и убежали.

— Да они совсем не злы, эти мальчики,— обрадовалась Канарейка, поглядывая на раскинутую сеть.— Тетенька, мальчики мне корму принесли.

— Хорош корм, нечего сказать! — заворчала Ворона.— Ты и не думай туда совать нос... Слышишь? Как только начнешь клевать зернышки, так и попадешь в сетку.

— А потом что будет?

— А потом опять в клетку посадят...

Взяло раздумье Канарейку: и поесть хочется, и в клетку не хочется. Конечно, и холодно, и голодно, а все-таки на воле жить куда лучше, особенно когда не идет дождь. Несколько дней крепилась Канарейка, но голод—не тетка,—соблазнила она приманкой и попала в сетку.

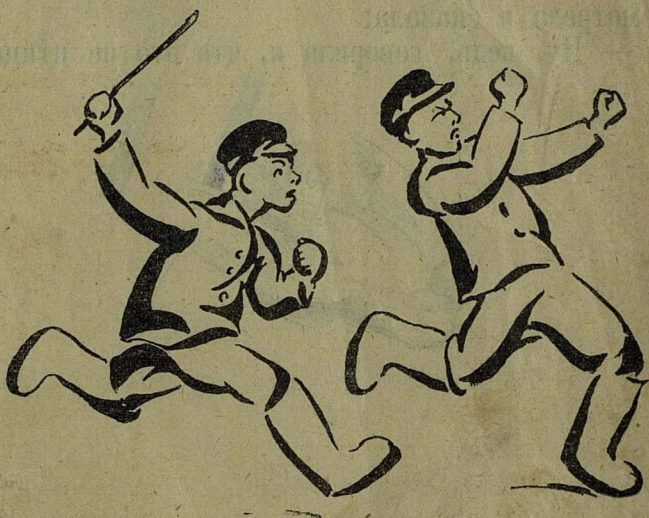
— Батюшки, караул!..— жалобно пищала она.— Никогда больше не буду... Лучше с голоду умереть, чем опять попасть в клетку.

Канарейке теперь казалось, что нет ничего лучше на свете, как воронье гнездо. Ну, да, конечно, бывало и холодно и голодно, а все-таки полная воля. Куда захотела, туда и полетела... Она даже

заплакала. Вот придут мальчики и посадят ее опять в клетку... На счастье летела мимо Ворона и увидела, что дело плохо.

— Ах, ты, глупая!.. — ворчала она. — Ведь я тебе говорила, что не трогай приманки.

— Тетенька, не буду больше...

Ворона прилетела во-время. Мальчишки уже бежали, чтобы захватить добычу, но Ворона успела разорвать тонкую сетку, и Канарейка опять очутилась на свободе. Мальчишки долго гонялись за проклятой Вороной, бросали в нее палками, камнями и бранили.

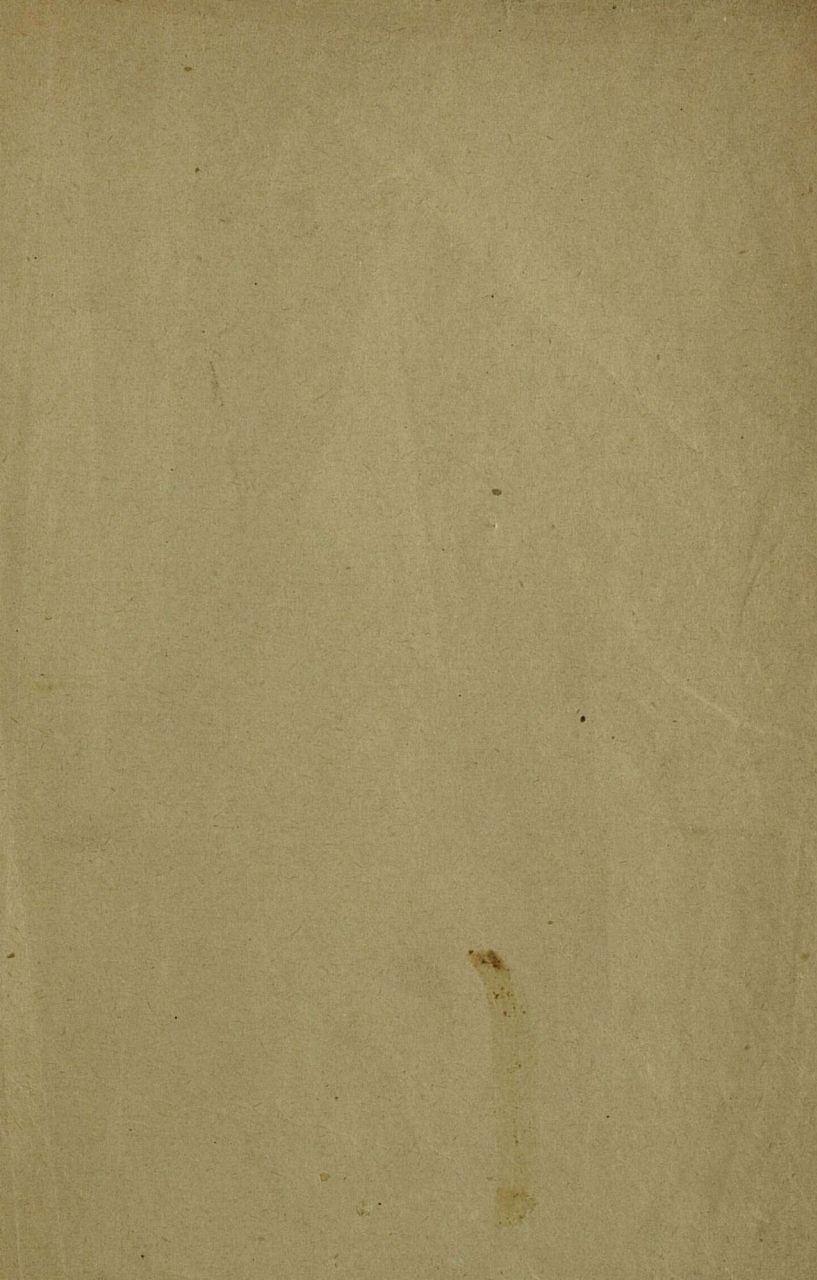
— Ах, как хорошо!.. радовалась Канарейка, очутившись опять в своем гнезде.

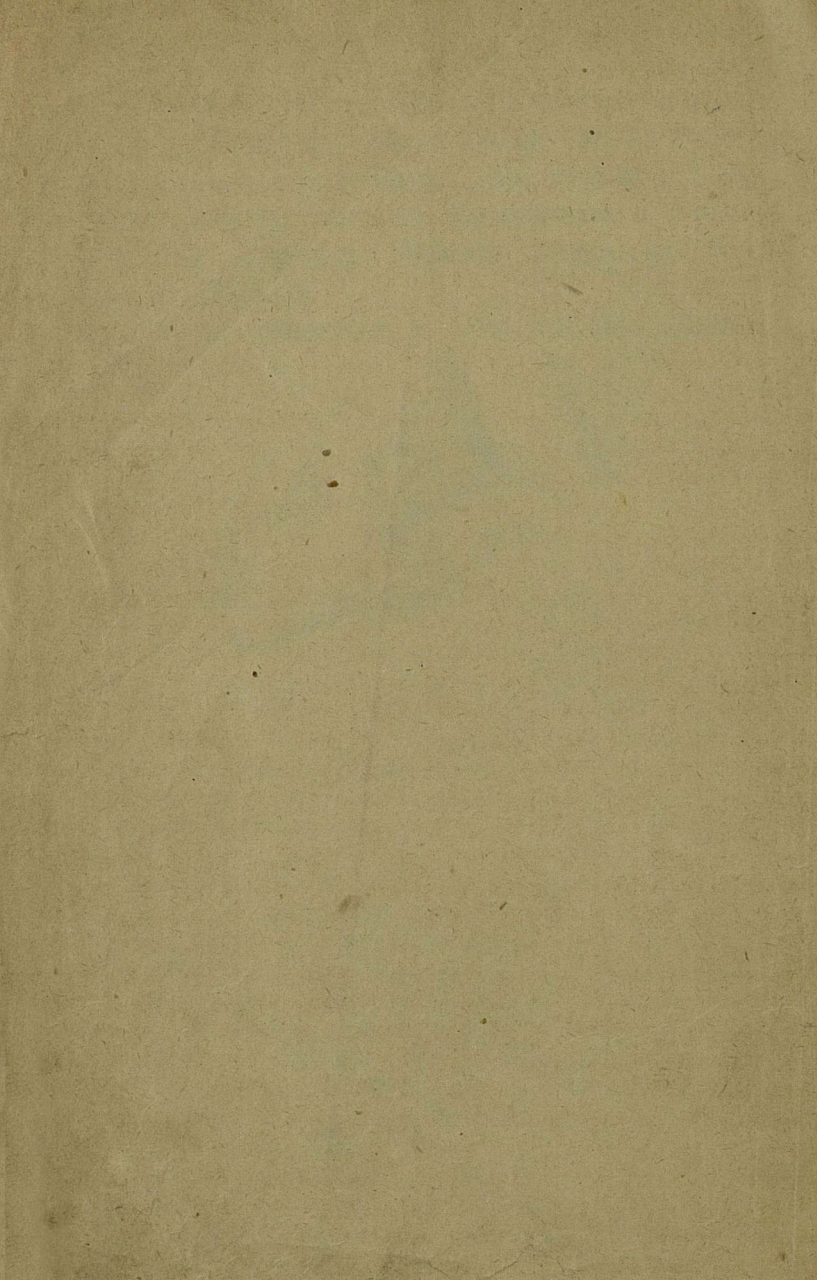
— То-то, хорошо. Смотри у меня...—ворчала Ворона.

Зажила опять Канарейка в вороньем гнезде и больше не жаловалась ни на холод, ни на голод. Раз Ворона улетела на добычу, заночевала в поле, а вернулась домой, — лежит Канарейка в гнезде ножками вверх. Сделала Ворона голову на бок, посмотрела и сказала:

— Ну, ведь, говорила я, что это не птица!..

150-

B

18 NOV 1942

Yellow Bird